

Вадим Деревянский

Шутка

Стояла промозглая осень 1968 года. Был понедельник, начало новой трудовой недели. В половине второго в трёхэтажное административное здание комбината «Жилпромстрой» вошёл пожилой мужчина. Он был небольшого роста, со склонной к полноте фигурой, круглое лицо его украшали усики а-ля Чарли Чаплин. Одет мужчина был старомодно: в изрядно поношенное чёрное демисезонное пальто и такого же цвета шляпу. Светлым пятном на мрачном, но весьма практичном в дождливую погоду фоне выделялся белый шарф. Его брюки и ботинки были заляпаны грязью (что поделать — конец октября!), в руке он держал саквояж.

На входе мужчина предъявил паспорт и командировочное удостоверение. Дежурная его хорошо помнила по прежним командировкам, приветливо улыбнулась («Опять к нам?») и получила ответную улыбку («Да, дела...»). Проблем с пропуском не возникло, мужчина поставил подпись в книге посетителей и, поблагодарив вахтёршу, прошёл через барьер-вертушку.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, он направился знакомым маршрутом по коридору, остановился возле двери одного из кабинетов, постучал и, не получив ответа, дёрнул за ручку — закрыто. Тогда он постучал в соседний кабинет и, услышав: «Да-да, войдите!» — снял шляпу и вошёл.

В этом кабинете обитали четыре сотрудника, трое из которых в данный момент по производственным делам отсутствовали, а за единственным занятым столом сидел молодой человек, по виду вчерашний выпускник вуза.

— Здравствуйтесь, — поприветствовал гость молодого сотрудника, обнаружив сильный дефект речи. — Здравствуйтесь, — ответил парень.

— Вас, навелное, пледупледали о моём плизезде? — мужчина говорил чрезвычайно мягким тоном.

— Нет. А вы кто?

— Позвольте представить: Севастьян Геолгиевич.

Он назвал свой город и предприятие, в котором работал. При этом он комично надел шляпу, приподнял её, снова надел и опять снял.

— Сергей. Очень приятно.

— Мне тозе очень пلياتно, Селёза. Я плиехал к вам в командилвку. Мне нузен Ломан Александрлович. У него заклыто — он не в отпуске?

— Нет, после утренней планёрки начальник отдела уехал на объект, но скоро должен вернуться. Присядьте, подождите, — парень указал на один из стульев, предназначавшихся визитёрам.

— Благодарю!

Мужчина сел, на рядом стоявший стул положил шляпу, а саквояж, не выпуская из рук, поставил себе на колени. На предложение снять верхнюю одежду гость ответил отказом:

— Не пелезывайте, я подозду Ломана Александровича и лазденусь у него.

— Может, вам чайку сделать? Могу бутербродом угостить — вы, наверное, с дороги есть хотите? — заботливо спросил Сергей.

— Нет, благодарю, я сыт.

— Ну, как знаете...

Они сидели молча, тишину лишь изредка нарушали шуршание документов в руках Сергея и телефонные звонки — большинство звонивших интересовались, куда уехал и когда будет на месте Роман Александрович.

Так прошло больше часа.

Вдруг мужчина что-то спросил, но что именно, Сергей не разобрал.

— А? — молодой сотрудник оторвался от бумаг.

— ...не... ся?

— Простите, не расслышал.

— Ке... ку... ся?

— Не понял, — дефекты речи приезжего не позволяли разобрать вопрос.

Мужчина понял это, поднялся, подошёл к столу и, наклонившись над молодым человеком и стараясь произносить слова отдельно, повторил:

— Кефилчику не найдётся? — и Севастьян Георгиевич показал глазами в сторону холодильника.

— А-а, нет, нету.

— Селёза, мозно, я вас отолву ненадолго от работы? — командированный вынул из кармана и протянул рубль. — Не сочтите за тлуд.

— Да-да, конечно. Гастроном через дорогу, я мигом.

— А я пока подозду в колидоле.

Мужчина проявлял признаки хорошего воспитания и считал для себя неудобным оставаться одному в чужом кабинете. Собираясь его покинуть, гость поднялся и направился к выходу.

— Нет-нет.

Молодой человек тоже был хорошо воспитан и считал недопустимым держать приехавшего изда-лека человека в коридоре. Он остановил мужчину и вежливо усадил его на прежнее место.

— Я мигом! — повторил он, срывая с вешалки и на ходу надевая пальто.

«Наверняка ему кефир показан по состоянию здоровья», — подумал Сергей и быстрым шагом направился в магазин.

Вскоре парень вернулся, держа в руке стеклянную бутылку кефира. Командированный сидел в той же позе, в которой Сергей оставил его перед походом в гастроном.

— Благодаю вас, Селёза! — мужчина признательно улыбнулся.

Молодой человек положил на стул рядом с ним сдачу. Мужчина попробовал было не взять («Не надо, это вам за труды!»), но тот наотрез отказался. Севастьян Георгиевич поблагодарил, сунул деньги в карман и, испросив разрешения, пересел на стул, стоявший возле одного из свободных столов. Сергей ополоснул, вылив воду в цветочный горшок, стакан и протянул его гостю. Говорить в пятый раз «Благодаю!» командированный посчитал неуместным и просто с улыбкой на губах кивнул. Налил полный стакан кефира и принялся пить его мелкими глотками, смакуя, с явным удовольствием.

— Могу дать сахар — так вкуснее, — предложил Сергей.

— М-м... — отрицательно замотал головой Севастьян Георгиевич и, проглотив кисломолочный продукт, пояснил: — Кефир надо пить только в натуральном виде, без сахала!

Внезапно дверь распахнулась.

— Я забыл предупредить, сегодня должен прие... — Роман Александрович, начальник отдела, не договорил.

Увидев командированного, он ворвался в кабинет, Севастьян Георгиевич подскочил со стула, и они заключили друг друга в объятия.

— Сева, дружище, здорово! Как я рад тебя видеть!

— Пливет, Лома! Я тозе лад!

— Как добрался?

— Нолмально.

— Устроился?

— Нет пока.

— Ничего! Позвоним в гостиницу — устроим, всё будет в лучшем виде... Ты чего не раздеваешься?

— Я предлагал, — сказал в своё оправдание Сергей.

— Он пледлагал, — подтвердил Севастьян Георгиевич.

— А ну-ка живо снимай пальто.

— Да я...

— Снимай, снимай... — Роман Александрович помог гостю освободиться от пальто, повесил его на установленную в углу кабинета вешалку, туда же определил и шляпу дорогого гостя.

Севастьян Георгиевич остался в костюме и повязанном вокруг шеи белоснежном шарфе.

— Ло-о-ома... — глядя на руководителя отдела, произнёс он нараспев и расплылся в улыбке, отчего его маленькие глазки превратились в крохотные щёлочки.

— Ло-о-ома, — соблюдая интонацию, передразнил старого товарища Роман Александрович.

Все трое, Серёжа громче всех, рассмеялись.

— В общем, так, Сева, надо отметить твой приезд, — продолжил начальник отдела. — Сгоняем Сергея в гастроном...

— Он узе бегал, — перебил Севастьян Георгиевич.

— Я уже бегал, — подтвердил молодой человек.

— За этим?! — начальник отдела с лукавой усмешкой показал на кефир. — Это несерьёзно, ребята... Ты наш гость, Сева! И мы отметим твой приезд как положено — не отвертись!

В этот момент дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула женщина. Увидев командированного, она вежливо с ним поздоровалась и получила не менее вежливый ответ.

— Роман Александрович, вас срочно просит зайти главный инженер, — сообщила она.

— Бегу! — энергично отозвался начальник отдела и, весело подмигнув Серёже и Севастьяну Георгиевичу, добавил: — Ребята, я мигом!

Возле двери, словно вспомнив что-то важное, Роман Александрович резко обернулся:

— Сева, ты в курсе, что тебя разыскивает милиция?

— Н-нет, — мужчина сильно побледнел и опустился на стул.

— Ищет, ищет, — продолжил Серёжин шеф. — Они знают, что ты у нас в командировке, уже выехали за тобой, скоро будут здесь. Так что сиди и никуда не уходи!

Он неожиданно засмеялся и направился к «главному».

Какое-то время мужчина, держа в руках саквояж, сидел неподвижно, как памятник, потом лицо его исказила неприятная гримаса, и он решительно поднялся:

— Мне нужно в туалет.

— Прямо по коридору...

— Я знаю.

Он поставил на пол саквояж и вышел.

«Проблемы со здоровьем...» — сочувственно подумал Сергей.

Прошло не менее получаса, прежде чем вернулся Роман Александрович.

— А где?... — спросил он у молодого специалиста и показал на стул, на котором сидел Севастьян Георгиевич.

— В туалет пошёл.

— Дело нужное. Когда вернётся, пусть заходит ко мне.

— Хорошо, — пообещал Серёжа.

Прошло ещё полчаса, когда снова вошёл Роман Александрович и недоумённо уставился на по-прежнему пустой стул.

— Он что, до сих пор не приходил?

— Нет.

— Странно... — начальник отдела пожал плечами и вернулся на своё рабочее место.

Почувствовав неладное, он через несколько минут снова заглянул:

— Не появлялся?

— Нет.

Сергей тоже начал волноваться.

— Вещи его здесь, — Роман Александрович посмотрел на вешалку, на которой висели пальто и шляпа, а на полу стоял саквояж командированного. — Не мог же он уйти в гостиницу в такую погоду, да ещё в одном костюме?! Будь на месте — вдруг Сева объявится, а я поищу его в здании.

Минут через двадцать он вернулся в полной растерянности.

— Не приходил? — спросил у Сергея.

— Нет.

— Ничего не понимаю. Куда он запропастился? Нигде не могу его найти! В туалете нет, в здании тоже нигде не нашёл. На вахте сказали, что не выходил. Заблудиться Сева не мог — он много лет приезжает к нам в командировки. Где он может быть? — пожал плечами и снова ушёл на поиски.

Роман Александрович повторно обошёл всё административное здание, поспрашивал коллег, они тоже ничем не смогли помочь. Решил ещё раз проверить туалет. Вошёл — никого нет, только дверь в одну из кабинок оказалась запертой изнутри. Спросить постеснялся и снова пошёл искать приятеля по административному зданию. Безрезультатно!

Заглянул к Сергею:

— Не возвращался?.. Ума не приложу, куда он мог деться?! Всё обошёл, даже не знаю, где искать.

Вернулся в свой кабинет. На душе было неспокойно. В третий раз направился в туалет, подёргал за ручку той самой кабинки — закрыто. И тут его осенила догадка: Сева пошёл в туалет, и там ему стало плохо!

— Сева!.. Сева, ты здесь?.. — звал он болезненного товарища и дёргал за ручку кабинки.

Дверь не поддавалась, и в ответ тишина.

— Сева, тебе плохо?

И этот вопрос остался без ответа.

Тогда он помчался в располагавшуюся в отдельном здании слесарную мастерскую. На его счастье, пожилой слесарь был на месте — с расстеленной на столе газеты уминал остатки не съеденного в обеденный перерыв «тормозка» (не нести же обратно домой!).

— Егорыч, бери инструменты и бегом за мной! — почти выкрикнул Роман Александрович.

— А что случилось? — тревога передалась и слесарю.

— Товарищ приехал к нам в командировку. Пожилкой, болячек куча. Похоже, ему в туалете стало плохо. Там дверь изнутри заперта.

Когда слесарь вскрыл дверь в туалете, рабочую атмосферу, царившую в здании комбината, разорвал крик Романа Александровича: в кабинке на своём белоснежном шарфе висел его друг Сева. Схватившись за сердце, начальник отдела опустился на пол...

Следователь, вызванный на место самоубийства, произошедшего в административном здании комбината «Жилпромстрой», приехал в полной уверенности, что криминала здесь никакого нет и оформление покойного — пустая формальность. Правда, неясны мотивы. Записки он не оставил, гадай теперь... Неразделённая любовь (модная причина добровольного ухода из жизни!) отпадает, но есть множество других причин, способных подтолкнуть к такому решению. Пожилой больной человек. Не захотел мучиться, вот и свёл счёты с жизнью. Непонятно только, почему в командировке. Могло случиться обострение? Вполне могло! Или жизненные неурядицы? Как говорят в подобных случаях, чужая душа — потёмки.

Вначале всё шло так, как и предполагал следователь, — без неприятных сюрпризов. Пока во время описи вещей висельника не открыли саквояж. Его содержимое — обычный набор командированного: полотенце, мыло, бритвенные принадлежности, зубной порошок и щётка, комплект нательного белья и... завернутые в носовой платок колечко и одна (почему только одна?) серёжка. Простенькие, дешёвенькие, принадлежащие, скорее всего, молодой девушке. Чьи они и как оказались в саквояже командированного? Это не подарок дочери или племяннице, не предмет кражи и тем более ограбления, не найденные кем-то утерянные вещи, но что? К неясному мотиву добавилась вторая загадка.

Следователь мог бы закрыть на эти факты глаза, оформить покойника как обычного самоубийцу и тут же забыть об этом деле. Но он оказался человеком равнодушным и дотошным, не испугавшимся гнева грозного начальства и обвинений в занятии ерундой вместо расследования более важных дел. Он настоял на необходимости своей командировки и не поленился выехать в город, где жил Севастьян Георгиевич, вместе с вызвавшим его сопровождать тело товарища Романом Александровичем.

Открыв дверь найденными среди вещей покойного ключами, они вошли в его квартиру. Скромно обставленная однокомнатная квартира, типичное жилище доживающего свой век одинокого человека. Из предметов обстановки ничего необычного. Сервант, платяной шкаф, кресло, кровать в углу — мебель вся старая, доставшаяся нынешнему

хозяину, скорее всего, по наследству. На стенах и серванте фотографии разных лет — всегда только со строгого вида женщиной, по всей видимости, матерью. Горшки с алоэ на подоконнике, на столе ваза и стопка газет. На кухне минимальный набор посуды — сразу видно, что гости здесь бывали нечасто.

— Ох, Сева, Сева... — низко опустив голову, вздыхал Роман Александрович.

Что должен был увидеть в этой квартире следователь, он и сам не знал. Ему не давали покоя серёжка и колечко. Его терзали два взаимно дополняющих смутных предчувствия: за завёрнутыми в носовой платок предметами скрывается нечто страшное, и разгадка этого «нечто» где-то рядом, совсем близко, надо только найти недостающее звено в цепи. А с этим как раз и была основная проблема.

Следователь ходил по квартире, изучая детали обстановки и пытаясь с помощью опыта и интуиции разгадать источник своей внутренней тревоги. Но всё оказывалось безрезультатно. Достал с книжной полки на стене и полистал книги. Специальная, по профилю работы, и художественная литература — тоже ничего, что бросилось бы в глаза. Ровным счётом ни-че-го!

На похоронах следователь пообщался с многочисленными коллегами Севастьяна Георгиевича. Покойный, по их отзывам, был добросовестным работником, грамотным специалистом, уважаемым человеком. Ни одного плохого слова в его адрес! Для всех его добровольный уход из жизни оказался большой трагедией, совершенно неожиданным и необъяснимым поступком.

Следователь так и уехал, не разобравшись с тёмными сторонами личности самоубийцы. Возвращаясь поездом, он не переставал размышлять над этим делом, и чем дольше думал, тем больше приходил к выводу, что разгадка этой истории откроется не скоро, если вообще откроется. Обычно к раскрытию подобных дел приводили не действия следственных органов, а его величество случай. Полагаться на волю случая следователь не хотел и под мерный стук колёс составил план дальнейших действий, первым пунктом которого было выяснить, нет ли похожих по описанию колечка и серёжки среди вещей пропавших в последнее время или погибших насильственной смертью девушек.

И здесь его ожидала удача! Следователь по роду своей службы не занимался поиском пропавших граждан, поэтому не знал о поступившем в милицию заявлении встревоженных родителей об исчезновении их четырнадцатилетней дочери. В первой половине дня в понедельник девочка ушла провожать на железнодорожный вокзал подругу, в школе не появилась (уроки в её классе шли во вторую смену), и больше её никто не видел. В описании вещей пропавшей имелись два находившиеся в саквояже командированного предмета. А сотрудник милиции, занимавшийся её розыском, в свою очередь, даже не мог предположить, что серёжка и колечко окажутся среди вещей покончившего жизнь самоубийством иногороднего гражданина.

Сразу стало ясно, что найти девочку живой шансов нет. Организованные поиски результатов не дали, но её тело вскоре было обнаружено вездесущими мальчишками в расположенном недалеко от железнодорожного вокзала полуразрушенном здании бывшей котельной. Экспертиза установила, что потерпевшая сначала подверглась сексуальному насилию, после чего была задушена. Характерный след и оставшиеся на шее несчастной белые волокна неопровержимо указывали на тот самый белый шарф.

При обыске в квартире маньяка в находившемся в серванте чайном сервизе было обнаружено ещё множество предметов, аналогичных найденным в саквояже Севастьяна Георгиевича серёжке и колечку. Он забирал их у своих жертв не с целью наживы, а как своеобразный трофей — на память о совершённых им «подвигах». Эти предметы стали вещественными доказательствами, позволившими установить его причастность к другим подобным преступлениям в разных городах Советского Союза, география которых соответствовала его служебным командировкам.

Следствие продолжалось два года. Проведённые многочисленные экспертизы и опросы свидетелей неопровержимо доказали: он! Оставшийся неуловимым долгие годы гастролёр, жестокий насильник и убийца оказался «добросовестным работником», «грамотным специалистом» и «уважаемым человеком»...

А о том, что Севастьяна Георгиевича разыскивает милиция, ничего не подозревавший начальник отдела комбината «Жилпромстрой»... просто пошутил.